

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ФОРМА НАЦИОНАЛИЗМА: КАНАДСКИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ИДЕИ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ ВО II ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

И. М. Нохрин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена политике мультикультурализма и идее культурного многообразия в канадском общественно-политическом дискурсе II половины XX в. Автор рассматривает мультикультурализм как форму существования канадского национализма, выработанную в качестве ответа на ряд глобальных и региональных вызовов, с которыми канадское общество столкнулось после окончания Второй мировой войны. Среди них: увеличение эмиграции небританского населения, усиление экономического и культурного влияния США, обострение межэтнических противоречий, необходимость выработки системы мер для поддержки и развития канадской культуры. Задуманный изначально как модель государственной национальной политики, мультикультурализм довольно быстро превратился в нечто большее – стал ядром новой национальной идентичности канадцев. В его основе лежала идея культурного многообразия, которая кардинально изменила образ канадской нации, систему символов и ценностей, воспринимавшихся в качестве основополагающих. Черты нового образа канадской нации включали в себя такие понятия, как плюрализм, толерантность, открытость, гражданственность, идею единства во многообразии. Последнее стало отличительной чертой новой канадской национальной идеологии и было воплощено в государственной политике мультикультурализма, начатой П. Трюдо в 1971 г. Конкретные мероприятия этой политики: Закон о мультикультурализме (Canadian Multiculturalism Act), Закон о равенстве при трудоустройстве (Employment Equity Act) и Закон о правах человека в Канаде (Canadian Human Rights Act) – превратили идейный концепт культурного многообразия в значимый элемент социальной реальности.

Ключевые слова: *история Канады, мультикультурализм, культурное многообразие, национальная политика, национальная идентичность, национализм.*

Мультикультурализм как один из вариантов национальной политики в странах с культурным многообразием населения сегодня активно обсуждается в российских научных кругах, СМИ, среди общественно-политических деятелей и на многочисленных интернет-сайтах. Специалисты нередко упоминают, что происхождение мультикультурализма связано с Канадой – крупным многоэтническим федеративным государством, имеющим немало общего с Россией. И именно канадская политика мультикультурализма сегодня считается одним из наиболее успешных примеров реализации тщательно спланированной стратегии урегулирования межнациональных противоречий. Можно даже сказать, что мультикультурализм стал одним из самых узнаваемых брендов современной Канады [Иванов: 2014, С. 124]. Реализация этой политики позволила не только снизить межэтническую напряженность, но и способствовала гармонизации социальных взаимоотношений и стала залогом стабильности развития общества. Все это актуализировало вопрос о возможности адаптации канадских до-

стижений в условиях других государств, в т. ч. и России.

Однако опыт целого ряда европейских стран, как, например, Германии или Великобритании, наглядно продемонстрировал, что мультикультурализм не может считаться панацеей в деле разрешения межнациональных конфликтов. Несмотря на все усилия государства и общества, политика мультикультурализма там не только не помогла преодолеть имевшиеся проблемы, но и породила новые. Это закономерно вызвало сомнения в ее универсальности и привело к критическому переосмыслению основных положений¹. Сегодня все чаще можно услышать мнение, что мультикультурализм и вовсе является специфически канадским феноменом, порожденным особенностями исторического развития Канады, ее географическим положением или демографической структурой общества. В связи с этим предлагаемая статья имеет целью углубление научного понимания места мультикультурализма в истории развития

¹ Burns J.F. Cameron Criticizes 'Multiculturalism' in Britain // The New York Times, Feb. 5, 2011.

канадской национальной идентичности, степени его локальности и перспектив заимствования для других стран.

На протяжении большей части своей истории Канада была ареной соперничества двух моделей национальной идентичности. Первой из них был франкоканадский национализм. Он возник в начале XIX в. в среде франкоязычной интеллигенции и зарождавшегося среднего класса как попытка обоснования их притязаний на роль социальных и политических лидеров Нижней Канады. Первоначально франкоканадские националисты ограничивались тем, что зарабатывали авторитет на противопоставлении франкоязычного, католического населения провинции «чужакам» и «завоевателям» – британской колониальной администрации. Однако со временем франкоканадский национализм стал богаче как по составу приверженцев, так и концептуально, и развился в самостоятельную форму национальной идеологии¹.

Другой моделью национальной идентичности была англоканадская. Она начала формироваться в 1820–30-е гг. и строилась вокруг идей верности Великобритании и ее социально-политическим институтам, преданности Канаде как малой родине и стремления англоязычных колонистов к самоопределению в рамках Британской империи в качестве полноценной и равноправной национальной общности. После образования Канадской федерации в 1867 г. эта модель стала основой для канадского национализма, который соединил в себе гражданские и этнические компоненты. С одной стороны, членом канадской нации мог называться любой житель доминиона Канады, независимо от страны-происхождения, вероисповедания и культуры, кто считал себя ее частью, признавал Канаду своим домом и родиной, был готов активно участвовать в ее развитии. Но с другой стороны, настоящим канадцем признавался только тот, кто принадлежал к «белой» расе, свободно владел английским языком, был адаптирован к англоканадской культуре и образу жизни и, что самое главное, являлся патриотом не только Канады, но Великобритании и всей империи. Вплоть до 1920–30-х гг. империализм оставался формой воплощения канадского национализма [Нохрин: 2016, С. 81–94]. Это было довольно удобно для националистов – сила и мощь всей Британии и ее колоний как бы повышала статус канадской нации, но и создавало массу проблем – франко-

канадцы, да и другие этнические меньшинства отказывались считать себя частью чего-то большего, нежели Канадская федерация, а также проявлять «великодержавный» патриотизм, в т. ч. и в форме участия в войнах метрополии: англо-бурской и Первой мировой.

По мере того, как Канада добивалась все большей автономии, имперский компонент национальной идентичности отходил на второй план. В 1931 г., согласно условиям Вестминстерского статута, доминионы Великобритании стали полностью независимыми государствами. В канадском национальном дискурсе на смену гордости империей пришел страх потерять самобытность перед лицом многочисленных угроз со всего огромного мира. Империализм уступил место изоляционизму и американизму – идее замкнутости интересов Канады на самой себе или, по крайней мере, на американском континенте, за пределами которого заканчивалась ее «пространство безопасности». В национальной политике это привело к еще более ревностному стремлению сохранить облик канадца таким, каким он был в предыдущее столетие: «белым», англоязычным, протестантским, разделявшим британское культурное наследие. В 1921 г. канадское правительство практически закрыло возможность въезда для эмигрантов из Китая и Восточной Азии, к концу 1920-х гг. был ограничен прием переселенцев из Восточной Европы, а в 1930-е гг. Канаду захлестнула волна антисемитизма [Knowles: 1997, P. 136–137]. Таким образом, до середины XX в. национальная политика в Канаде оставалась весьма этноцентричной и никоим образом не предвосхищала будущего разворота к мультикультурализму.

Послевоенные десятилетия стали для Канады временем небывалого процветания. Беспрецедентные по масштабам государственные инвестиции в сферу оборонной промышленности и общественных работ вывели ее экономику из депрессивного состояния 1930-х гг. и заложили основу для дальнейшего роста. В период с 1946 по 1972 г. среднедушевой доход канадцев удвоился, безработица заметно сократилась и ни разу не поднималась выше 7 %, производство и потребление стремительно росли, задавая новые стандарты качества жизни [Еременко: 2014, С. 118]. Именно в эпоху «просперити» собственный дом, автомобиль, высшее образование и современная медицина стали доступны для большинства канадцев.

Официальная статистика рисовала еще более оптимистичную картину. Валовой национальный продукт (ВНП) с 1945 по 1960 г. увеличился поч-

¹ Более подробно этот вопрос раскрыт в статье: Нохрин И.М. Национальный дискурс в политической истории Канады XIX в. // Американский ежегодник. 2016. № 2015. С. 341–355.

ти в четыре раза: с 3,173 млрд долл. в 1945 г. до 11,8 млрд долл. в 1960 г., количество населения возросло в это же время с 11,5 до 18,2 млн чел., средняя продолжительность жизни составила 69 лет для мужчин и 75 для женщин, что являлось одним из самых высоких показателей в мире [Еременко: 2014, С. 118].

Послевоенное процветание наступило так стремительно, что перемена условий жизни оказалась замечена большинством канадцев. В общественно-политической жизни страны воцарилась атмосфера оптимизма, веры в безграничные перспективы роста экономики и доходов населения, гордости недавними достижениями страны. Существовало, тем не менее, одно обстоятельство, омрачавшее всеобщую радость за успехи «молодой Канады». Статистика 1950–1960-х гг. наглядно демонстрировала тревожную тенденцию: ослабление связей с бывшей метрополией вело к стремительной переориентации канадской экономики на США. И влияние южного соседа становилось настолько всепроникающим, что заставляло сомневаться в достижении Канадой подлинной самостоятельности.

С 1939 по 1955 г. доля канадского экспорта, приходившегося на США, выросла с 42 % до 60 %, а импорт американских товаров увеличился с 66 % до 73 % от всех ввозимых товаров. Инвесторы из-за рубежа активно скупали канадские предприятия. К концу 1960-х гг. им принадлежало более трети канадских компаний, а в обрабатывающей, горнодобывающей и нефтегазовой промышленности, соответственно, 59 %, 69 % и 99 % активов. Столь внушительные масштабы зависимости вызывали недоумение и критику со стороны многих общественно-политических деятелей страны. В СМИ и публицистике все чаще звучал вопрос: «Кому принадлежит Канада?». Ответ на него обычно давался весьма пессимистический – иностранным инвесторам и корпорациям, превратившим страну в «49 штат США» [Еременко: 2014, С. 118–119].

Стремительное увеличение американского участия в канадской экономике стимулировало новый виток дискуссий континенталистов и националистов. Их спор начался еще в середине XIX в., и за прошедшее время аргументы сторон мало изменились. Позиция континенталистов строилась на идеалах классического либерализма и вере в способность «невидимой руки рынка» наилучшим образом организовать хозяйство любой страны и повседневную жизнь людей. Поступательное сближение экономики Канады и США воспринималось ими как объективный взаимовы-

годный процесс, не несущий угрозы суверенитету Оттавы в силу его ограниченности сферой бизнеса и коммерции. Что же касается националистов, то они не считали возможным разделять политику и экономику и опасались, что вслед за экономическим контролем американских корпораций над канадскими предприятиями придет политическое подчинение Оттавы Вашингтону вплоть до аннексии Канады в тот момент, когда граница между странами превратится в пустую формальность. Вероятность этого казалась еще большей на фоне укрепления сотрудничества Канады и США в рамках НАТО: создания общей системы противоздушной обороны НОРАД и появления планов размещения на территории Канады американских ракет с ядерными боеголовками [Horn: 2006, P. 253–259].

Дискуссии на тему американского присутствия в Канаде сопровождались интенсивной исследовательской работой по изучению различных аспектов влияния зарубежных инвестиций на экономику и общественно-политическую жизнь страны. В 1956 г. по инициативе правительства Луи Сен-Лорана была создана Королевская комиссия по вопросам перспектив экономического развития Канады. Одной из поставленных перед нею задач как раз являлось определение роли иностранных собственников в развитии канадского хозяйства¹. Именно в результате ее деятельности широкая публика узнала, что значительная часть канадского производства контролировалась американскими компаниями, и, как утверждали эксперты, это могло стать угрозой для национальной безопасности [Azzi: 2007, P. 70–71]. Конкретные цифры производили особенно сильное впечатление: доля участия иностранцев в нефтяной, горнодобывающей, целлюлозно-бумажной, электротехнической, химической, резиновой и автомобильной промышленности составляла более половины или, в некоторых случаях, даже более двух третей капитала [Newman: 1956, P. 10–11].

Итоги работы комиссии недвусмысленно опровергли базовый тезис континенталистов об общей выгоде от американского присутствия в канадской экономике. Оказалось, что иностранные собственники реже нанимают канадцев на работу, особенно на руководящие должности, в большей степени склонны закупать сырье и оборудование за рубежом, а главное, выводят из страны основную часть полученной прибыли, и размер покинувшего страну капитала сопоставим по

¹ Royal Commission on Canada's Economic Prospects, Final Report. Ottawa, 1958. P. 1.

величине с привлеченными инвестициями¹. Члены комиссии интерпретировали полученные данные с большой осторожностью и не призывали к ограничению деятельности иностранных компаний, однако их выводы подтверждали правоту националистов и подталкивали общественно-политические круги Канады к переосмыслению состояния взаимоотношений с США.

Выводы экспертов Комиссии по вопросам перспектив экономического развития определенно перекликались с итоговым докладом Королевской комиссии по вопросам национального развития в области искусств, литературы и науки 1949 г. В нем говорилось об опасности экспансии американской культуры, захлестнувшей Канаду на волне распространения массового общества и современных средств коммуникации. Принесенные ею ценности материализма, потребления, культ посредственности и обезличенных технологий внедрялись в канадскую культуру и приводили к деградации, утрате индивидуальности и, в конце концов, потере национальной идентичности². Если канадская культура превратится в подобие американской, утверждали авторы доклада, то канадская нация лишится самого смысла своего существования³. Эти идеи, казалось, повторяли тезис об опасности превращения Канады в 49 штат США, который лейтмотивом проходил через национальный дискурс.

В 1955 и 1960 гг. изучение состояния канадской культуры продолжили Королевская комиссия по вещанию и Королевская комиссия по вопросам печатных изданий. В докладах по итогам их работы, опубликованных в 1957 и 1961 гг., вновь звучала мысль об угрозе американизации, на этот раз посредством теле- и радиопередач, книг, газет и журналов, и констатировалась необходимость поддержания канадской культурной индивидуальности⁴. Эксперты подчеркивали, что сохранение канадской идентичности и ее защита от американизации напрямую зависели от существования национального вещания и контента в СМИ.

Особо стоит отметить развернувшееся в 1960-х гг. в университетской среде движение за «канадизацию» науки и гуманитарного образования. Различные студенческие и преподавательские объединения, такие как Канадский союз студентов, Ассоциация преподавателей Калтонского

университета и Ассоциация университетов и колледжей Канады, подняли проблему малочисленности канадских исследований, а также засилья иностранных преподавателей в вузах Канады. Для многих представителей сферы образования и науки казалась бесспорной связь истории, социологии, политологии, а также других гуманитарных дисциплин с национальной идентичностью. Они требовали внедрять больше учебных курсов, посвященных канадской специфике, поощрять работу канадских историков, культурологов и социологов [Cormier: 2007, P. 19–28].

Символом 1960-х гг. для университетской среды Канады можно назвать книгу профессора университета Манитобы Уильяма Мортонна «Канадская идентичность». Это была работа, поставившая крайне амбициозную цель – доказать право Канады считаться уникальной цивилизацией в силу наличия индивидуального пути национального развития [Morton: 1961, P. 3]. Согласно концепции автора, канадская нация сформировалась под воздействием ряда факторов, среди которых особое значение имели географические условия, высокая степень финансового и политического влияния метрополии, а также продолжительное сосуществование английской и французской культуры [Morton: 1961, P. 89, 93, 95, 99, 100–114]. В результате, как утверждал Мортон, на территории Канады образовался особый тип национального самосознания, представлявший собой компромисс между британским империализмом и франкоканадским национализмом: «Не французский, не британский по сути, а именно канадский» [Morton: 1961, P. 51]. Установив прямую связь между особенностями канадской истории и современной ему Канадой, Мортон не только наглядно продемонстрировал значимость гуманитарных наук для развития национального самосознания, но и определил двукультурность его главной характеристикой.

Дискуссии на тему иностранного влияния в канадской экономике, политике, культуре, науке и образовании стали беспрецедентным явлением не только по канадским, но и по мировым меркам. Их отличала как большая численность экспертов, принявших участие в деятельности разного рода комиссий, так и огромный интерес политиков, журналистов, публицистов и других общественно-политических деятелей самого широкого круга к результатам работы специалистов. Правительства Луи Сен-Лорана, Джона Дифенбекера и Лестера Пирсона активно обращались к докладам и рекомендациям экспертов, использовали их при разработке законодательства и в политиче-

¹ Ibid. P. 391–393.

² Report of the Royal Commission on National Development in Arts, Letters and Sciences 1949–1951. Ottawa, 1951. P. 13–24.

³ Ibid. P. 18.

⁴ Report – Royal Commission on Publications. Ottawa, 1961. P. 1–3; Report of the Royal Commission on Broadcasting. Ottawa, 1957. P. 3–8.

ской практике. К середине 1960-х гг. практически никто не сомневался в двух насущных задачах повестки дня: во-первых, чрезмерное иностранное, прежде всего американское, влияние, вело к потере канадцами их собственной национальной идентичности и потому угрожало будущему Канады как независимого государства. Во-вторых, канадская экономика, культура, наука и образование, а также национальное самосознание были еще слишком слабы, чтобы выдерживать свободную конкуренцию с американскими, а значит, нуждались в поддержке государства. Таким образом, перед правительственными кругами Канады ставилась сложная и ответственная задача разработки и внедрения последовательной государственной политики по поддержанию и развитию канадской национальной идентичности.

Политики, публицисты, писатели, журналисты, предприниматели, деятели культуры, искусства, науки и образования настойчиво требовали защитить канадскую нацию и ее индивидуальность от натиска американизации. Закономерно возникал вопрос: в чем же заключается это своеобразие, которое необходимо поддерживать и сохранять? На практике культурные различия между Канадой и США вовсе не выглядели чем-то вроде «цивилизационного» разлома, как пытались представить некоторые националисты [Колленко: 2001, С. 279]. Это были две преимущественно англоязычные, протестантские страны, в прошлом британские колонии, а в настоящем – органичные части западного мира, разделявшие общие ценности и жизненные стандарты. К тому же, результаты активной культурной экспансии США уже давали о себе знать, и многие канадцы по мышлению и образу жизни, действительно, мало отличались от американцев. Спустя столетие после создания канадской федерации сам факт существования канадской нации оказался под вопросом, и от националистов потребовалось убедить сограждан в принадлежности к ней.

Начать следовало с восстановления границ «воображаемых сообществ», то есть доказать, что канадская нация не может отождествляться с американской в силу ряда принципиальных отличий. Усилиями канадских историков, таких как Дж. Браун и У. Мортон, в 1950–1960-е гг. была создана концепция исторической исключительности «канадского пути». Его особенностями называлась:

– эволюционность и бесконфликтность (в противоположность американскому опыту обретения независимости и собственного места в мире через революцию и войны);

– приоритет компромисса и согласия в обществе над интересами отдельного человека или социальных групп (вместо крайнего индивидуализма и постоянной борьбы интересов у американцев, апофеозом чего, как утверждалось, стала гражданская война 1861–1865 гг.);

– крайняя политическая сознательность и чувство гражданского долга (как альтернатива американской идее «свободы» и ее воплощению в XIX в. – «Дикому Западу»). Таким образом, с исторической точки зрения, канадцы и американцы оказывались не только не родственными народами, но, скорее, противоположностью друг другу [Колленко: 2001, С. 271–278].

Большой вклад в оформление образа канадской нации внесла Королевская комиссия по вопросам национального развития в области искусств, литературы и науки. Поднятая ею проблема «культурного империализма» США и «денационализации культуры» требовала объяснений: что же понималось под национальной культурой канадцев. Логика экспертов и в этом случае пошла по пути противопоставления: если американское влияние несло массовую культуру, коммерческую, развлекательную, предельно упрощенную, заикленную на материальных ценностях и потреблении, то Канада могла противопоставить ему собственную высокую культуру (живопись, театр, литературу, гуманитарное образование), нацеленную на развитие личности, преумножение духовного наследия нации, воспитание в людях чувства прекрасного¹. Такая культура в любых ее проявлениях – кино, музыка, литература, живопись, газеты, журналы и др. – не могла быть коммерчески успешной и требовала постоянной поддержки государства, что считалось гарантией ее высокого качества и профессионализма, а также еще одной отличительной национальной чертой².

Однако ключевая характеристика образа канадской нации была найдена не в сфере высокой культуры. С конца 1940-х гг. в общественно-политической жизни страны все чаще возникала мысль о наличии у канадского общества важнейшей черты иного рода. Она проистекала из особенностей его исторического развития, в котором огромную роль сыграла этническая гетерогенность населения. Писатели и публицисты отмечали, что, хотя Канада и была основана и заселена мигрантами, в отличие от США она никогда не становилась для них «плавильным котлом», в котором переселенцы теряли бы свою индиви-

¹ Report of the Royal Commission on National Development in Arts, Letters and Sciences... P. 5–7.

² Ibidem.

дуальность и смешивались в некую гомогенную общность с остальным населением [Ajzenstat: 2003, P. 113–114]. В частности, франкоканадцы не только не были ассимилированы после английского завоевания в 1763 г., но смогли в полной мере сохранить свой язык, религию и образ жизни, а со временем даже получили определенную политическую самостоятельность. То же самое касалось и других этнических групп, прибывших в Канаду в XIX и XX вв.: шотландцев, ирландцев, немцев, поляков, русских, украинцев и др.

Англо-французский дуализм и мозаичность этнического ландшафта Канады стали центральными смысловыми категориями, вокруг которых строился национальный дискурс в 1950–1960-е гг. [Roberts: 2005, P. 4–5]. Первая из них выгодно позиционировала канадскую нацию за счет придания ей таких основополагающих черт «характера», как терпимость и ориентированность на компромисс, а вторая создавала образ «единства во многообразии», выгодно отличавшийся от американского «плавильного котла» отказом от унификации и стандартизации в пользу гармоничного сосуществования и взаимообогащения культур со всего мира.

Поначалу первая категория имела большую популярность. Именно англо-французский дуализм казался многим тем ключевым фактором, который предопределил уникальность «канадского пути». Чтобы подробнее изучить этот феномен, в 1963 г. начала работу Королевская комиссия по вопросам двуязычия и двукультурности. Ее официальной целью была объявлена «разработка мер по укреплению канадской федерации на основе равноправного партнерства между двумя расамы-основательницами»¹. Из поставленной задачи, как и из самого названия, следовало, что правительство придавало особое значение состоянию межэтнических отношений в Канаде и собиралось со всей серьезностью заняться их урегулированием. Поэтому неудивительно, что на деле интерес экспертов распространился гораздо шире «мер по укреплению канадской федерации» и охватил всю широту проявлений межэтнического взаимодействия.

Результатом работы комиссии стала серия практических рекомендаций, которые были оглашены в период с 1967 по 1970 г. и воплощены в законодательстве правительством Пьера Трюдо (1968–1979, 1980–1984 гг.) [Behiels: 2005, P. 21–25]. Их суть сводилась к объявлению Канады

¹ Laurendeau A. The diary of André Laurendeau: written during the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism 1964–67. Toronto, 1991. P. 4.

двуязычной и двукультурной страной: французский язык получил официальный статус наравне с английским, отныне оба языка должны были на паритетных началах использоваться в государственных учреждениях, в системе образования и на уровне местного самоуправления, этническим меньшинствам предоставлялась возможность обучения детей в школах на родном языке².

Однако, несмотря на очевидный успех в ликвидации застарелых проблем в национальной политике, итоги деятельности комиссии удовлетворили далеко не всех. Еще до окончания работы один из ее членов, ученый-лингвист украинского происхождения Ярослав Рудницкий заявил о необходимости учитывать вклад других этнических групп в развитие канадской нации и предложил вместо двукультурности говорить о мультикультурности [Szabo: 1996, P. 6].

Такая точка зрения имела под собой реальные основания. После окончания Второй мировой войны правительство подвергло миграционную политику существенной либерализации, позволив сотням тысяч беженцев и вынужденных переселенцев из Центральной и Восточной Европы обосноваться в Канаде. В дальнейшем, согласно Миграционному акту 1952 г., каждый выходец из Европы или Западного полушария мог рассчитывать на натурализацию в Канаде, если имел достаточно средств для существования на время поиска работы или соглашался занять вакансию, предложенную Министерством гражданства и иммиграции³. Как результат, в течение следующего десятилетия с 1952 по 1962 г. в страну въехало 1,5 млн иммигрантов⁴. А после 1962 г., когда расовые, национальные и этнические критерии отбора переселенцев были полностью устранены, поток желающих получить канадское гражданство еще больше усилился, и до конца 1960-х гг. в страну въехало еще около 1,2 млн чел. Примечательно, что, согласно переписи 1971 г., из 21,5 млн чел., проживавших в Канаде, только 14 млн чел., то есть 65 % были британского (в т. ч. ирландского и шотландского) и французского происхождения. Остальные 35% населения не имели прямого

² Отчёт о работе комиссии получился самым объемным из всех, он занял 6 томов, каждый из которых заканчивался объемным разделом с рекомендациями, см. Report of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism. Book I–VI. Ottawa, 1967.

³ Library and Archives Canada. Statutes of Canada. An Act Respecting Immigration, 1952. Ottawa: 1952. Ch. 42. P. 237–238.

⁴ Historical statistics of Canada: Section A: Population and Migration. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-516-x/sectiona/4147436-eng.htm> (дата обращения: 02.09.2017).

отношения к «расам-основательницам», как они назывались комиссией по билингвизму и бикультурализму¹.

Тенденция к усилению «мозаичности» канадского общества была замечена и самими членами Королевской комиссии. В IV томе итогового отчета, вышедшем в 1969 г., отмечалось, что для Канады характерно широкое многообразие этнических групп и локальных сообществ с собственной культурой, которая также нуждается в сохранении². А в 1971 г. премьер-министр П. Трюдо объявил о переходе к политике «мультикультурализма в рамках двуязычия», что означало объявление культурного плюрализма главным ориентиром государственной национальной политики [Haque: 2012, P. 222–237].

После того, как новые принципы национальной политики были определены, требовалось воплотить их в законодательство и политическую практику. Удачный момент для этого представился в связи с подготовкой Конституционного акта 1982 г. и его важнейшей части – Канадской хартии прав и свобод.

Сама по себе работа над новой канадской конституцией не была связана с национальной политикой. Этот процесс начался еще в 1930-е гг., когда с принятием Вестминстерского статута возник вопрос о законодательном оформлении суверенитета Канады. Тем не менее уже несколько поколений федеральных и провинциальных политиков не могли договориться по основополагающим вопросам государственного устройства страны. И лишь правительству П. Трюдо удалось сдвинуть процесс с мертвой точки. В 1981 г. проект новой конституции был готов в таком виде, в котором его согласились поддержать 9 из 10 провинциальных правительств (кроме Квебека). Ее первая часть – Канадская хартия прав и свобод – посвящалась важнейшим гражданским и политическим правам и свободам канадцев, в ней 27 раздел гарантировал «сохранение и развитие мультикультурного наследия канадцев»³.

Сравнительно небольшой объем текста, посвященного теме мультикультурности, не должен вводить в заблуждение относительно его важности. Конституция в данном случае лишь задавала общие рамки нового подхода к национальной политике. Его подробности были раскрыты в другом документе – Канадском законе о мульти-

культурализме 1988 г.⁴ На практике же политика мультикультурализма воплощалась следующим образом:

1. Переосмысление национальной символики и символических воплощений канадской нации. Эта работа началась еще в 1960-х гг. в связи с разработкой и принятием современного канадского флага и состояла в постепенном переходе от символики британского происхождения к символам, отражающим культурное многообразие канадского общества.

2. Проведение информационных кампаний в СМИ по развитию гармоничных отношений и взаимопонимания между этнокультурными сообществами Канады, а также по борьбе с проявлениями расизма, этнической и национальной дискриминации.

3. Государственная поддержка культурно-массовых мероприятий образовательного и просветительского характера, знакомящих канадское общество с культурным наследием различных этнокультурных сообществ, а также финансирование общественных организаций и объединений, представляющих их интересы.

4. Внесение изменений в образовательные и гуманитарные научно-исследовательские программы всех уровней с целью освещения вклада всех этнокультурных групп в развитие канадского общества.

5. Осуществление государственных программ по интеграции иммигрантов в канадское общество, а также по интенсификации культурного обмена между входящими в него этническими группами [Frideres: 1997, P. 95–99].

6. Законодательную защиту от дискриминации по расовому, национальному или этническому признаку, обеспеченную Законом о равенстве при трудоустройстве и Законом о правах человека в Канаде.

Таким образом, политика мультикультурализма в Канаде стала результатом общественно-политических дискуссий на тему индивидуальности и отличительных особенностей канадской нации. Она являлась новой формой национальной идеологии, воплощением образа нации, этапом развития канадского национализма. Действуя методом «от противного», канадские националисты начали с противопоставления канадской и американской наций и нашли их главное отличие в анти-тезе «мультикультурная мозаика» – «плавильный котел». Эта идея получила дальнейшее развитие в

¹ Ibidem.

² Report of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism. Book IV. Ottawa, 1969. P. 228–230.

³ Constitution Act, 1982. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-15.html#h-39> (дата обращения: 02.09.2017).

⁴ Canadian Multiculturalism Act. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html> (дата обращения: 02.09.2017).

национальном дискурсе и тех ценностях и смысловых категориях – плюрализм, толерантность, открытость, единство во многообразии, гражданственность и политическая активность – которыми стала описываться канадская нация к концу XX в.

Органичная включенность идей и ценностей мультикультурализма в общественно-политическую жизнь и национальный дискурс страны сегодня может произвести впечатление, будто они имеют глубокие исторические корни. Однако на самом деле происхождение идеологии и политики мультикультурализма относится к сравнительно недавнему времени – 1950–1960-м гг. Переход к мультикультурности был спровоцирован спец-

ифически канадскими условиями: ослаблением связей с Британской империей, заметным увеличением присутствия США во всех сферах общественной жизни, изменением структуры иммиграции. Однако концептуальное содержание новой идеологии, выработанное в ходе напряженной интеллектуальной работы, оказалось достаточно простым и универсальным и строилось лишь на одной центральной идее – признании ценности культурного многообразия канадского общества. Это позволяет говорить о ее потенциальной востребованности в условиях любого социума, отличающегося культурным многообразием и нуждающегося в новых ценностях и символах для укрепления национального единства.

Список литературы

1. Еременко К.С. Эволюция отношения канадцев к экономическому и военному сотрудничеству с США в 1950-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). С. 117–126.

2. Иванов А.Г. Канадский опыт формирования имиджа страны и строительства институтов Soft Power // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. № 2–3. С. 123–128.

3. Коленеко В.А. «Новые римляне», или люди, живущие к югу от 49-й параллели: Соединенные Штаты Америки в общественной мысли Канады // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001. С. 267–294.

4. Нохрин И.М. Межэтнические отношения и национальная идеология в Канаде в Новое время. Челябинск, 2016.

5. Ajzenstat J. Once and Future Canadian Democracy: An Essay in Political Thought. Montreal-Kingston, 2003.

6. Azzi S. Foreign investment and the paradox of economic nationalism // Canadas of the mind: the making and unmaking of Canadian nationalisms in the twentieth century / ed. by N. Hillmer, A. Chapnick. Montreal-Kingston, 2007.

7. Behiels M.D. Canada's Francophone Minority Communities: Constitutional Renewal and the Winning of School Governance. Montreal-Kingston, 2005.

8. Cormier J. The Canadianization movement: emergence, survival, and success. Toronto: University of Toronto Press, 2007.

9. Frideres J.S. Multiculturalism and Public Policy in Canada // Multiculturalism in a Cross-national Perspective / ed. by M.A. Burayidi. New-York, 1997. P. 95–99.

10. Haque E. Multiculturalism within a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada. Toronto, 2012.

11. Horn B. The Canadian way of war: serving the national interest. Toronto, 2006.

12. Knowles V.J. Strangers At Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–1997. Toronto, 1997.

13. Laurendeau A. The diary of André Laurendeau: written during the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism 1964–67. Toronto, 1991.

14. Morton W.L. The Canadian Identity. Toronto, 1961.

15. Newman P.C. Who really owns Canada // Maclean's – Canada's National Magazine, June 9, 1956.

16. Roberts L.W. Recent Social Trends in Canada, 1960–2000. Montreal-Kingston, 2005.

17. Szabo F.A.J. The Austrian Immigrant and the Canadian Multicultural Spectrum // Austrian Immigration to Canada: Selected Essays / ed. by F.A.J. Szabo. Montreal-Kingston, 1996.

Сведения об авторе

Нохрин Иван Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ivan-nokhrin@yandex.ru

---

Magistra Vitae.

2017. No 2. P. 79–88.

MULTICULTURALISM AS A FORM OF NATIONALISM: THE CANADIAN EXPERIENCE OF CONSTRUCTING A NATIONAL IDENTITY BASED ON THE IDEA OF CULTURAL DIVERSITY IN THE SECOND HALF OF XX CENTURY

I. M. Nokhrin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nokhrin@yandex.ru

The article is devoted to the policy of multiculturalism and the idea of cultural diversity in Canada in the second half of XX century. The author examines multiculturalism as a form of existence of Canadian nationalism that was worked out as a Canadian society's response to a number of global and regional challenges after the Second World War. Among them we can outline the increase of non-British emigration, the strengthening of economic and cultural influence of the USA, the aggravation of inter-ethnic conflicts, the need to develop a system of measures for the support and development of Canadian culture. Multiculturalism was originally conceived as a model of the state nationalities policy, but rather quickly turned into something more and became the core of a new Canadian national identity. It was based on the idea of cultural diversity which dramatically changed the image of the Canadian nation — a system of symbols and values that were perceived as fundamental. The features of the new image of the Canadian nation included such concepts as pluralism, tolerance, openness, citizenship, the idea of unity in diversity. The latter became the hallmark of the new Canadian national ideology and was embodied in the policy of multiculturalism started by Trudeau in 1971.

Keywords: *history of Canada, multiculturalism, cultural diversity, nationalities policy, national identity, nationalism.*

References

1. Eremenko, K. S. (2014). Jevoljucija otnoshenija kanadcev k jekonomicheskomu i voennomu sotrudnichestvu s SShA v 1950-e gg. [The evolution of the Canadians' relationship to economic and military cooperation with the United States in the 1950s], *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 1 (27), pp. 117–126. (In Russ.).
2. Ivanov, A. G. (2014). Kanadskij opyt formirovanija imidzha strany i stroitel'stva institutov Soft Power [Canadian experience of forming the image of the country and building Soft Power institutions], *Diskurs-Pi*, 11, 2–3, pp. 123–128. (In Russ.).
3. Koleneko, V. A. (2001). «Novye rimljane», ili ljudi, zhivushhie k jugu ot 49-j paralleli: Soedinennye Shtaty Ameriki v obshhestvennoj mysli Kanady [“New Romans” or people living south of the 49th parallel: the United States of America in Canada's public thought]. In *Amerikanskaja civilizacija kak istoricheskij fenomen. Vosprijatie SShA v amerikanskoj, zapadnoevropejskoj i russkoj obshhestvennoj mysli* (pp. 267–294). Moscow. (In Russ.).
4. Nokhrin, I. M. (2016). Mezhjetnicheskie otnoshenija i nacional'naja ideologija v Kanade v Novoe vremja [Ethnic Relations and National Ideology in Canada in Modern Times]. Chelyabinsk. (In Russ.).
5. Ajzenstat, J. (2003). *Once and Future Canadian Democracy: An Essay in Political Thought*. Montreal-Kingston.
6. Azzi, S. Foreign investment and the paradox of economic nationalism. In Hillmer, N., Chappnick, A. (eds.). (2007). *Canadas of the mind: the making and unmaking of Canadian nationalisms in the twentieth century*. Montreal-Kingston.

7. Behiels, M. D. (2005). *Canada's Francophone Minority Communities: Constitutional Renewal and the Winning of School Governance*. Montreal-Kingston.
8. Cormier, J. (2007). *The Canadianization movement: emergence, survival, and success*. Toronto.
9. Frideres, J. S. Multiculturalism and Public Policy in Canada. In Burayidi, M. A. (ed.). (1997). *Multiculturalism in a Cross-national Perspective* (pp. 95–99). New-York.
10. Haque, E. *Multiculturalism within a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada*. Toronto, 2012.
11. Horn, B. (2006). *The Canadian way of war: serving the national interest*. Toronto.
12. Knowles, V. J. (1997). *Strangers At Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–1997*. Toronto.
13. Laurendeau, A. (1991). *The diary of André Laurendeau: written during the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism 1964–67*. Toronto.
14. Morton, W. L. (1961). *The Canadian Identity*. Toronto.
15. Newman, P. C. (1956). Who really owns Canada. *Maclean's – Canada's National Magazine*, June 9.
16. Roberts, L. W. (2005). *Recent Social Trends in Canada, 1960–2000*. Montreal-Kingston.
17. Szabo, F. A. J. (1996). The Austrian Immigrant and the Canadian Multicultural Spectrum. In Szabo, F. A. J. (ed.). *Austrian Immigration to Canada: Selected Essays*. Montreal-Kingston.